

Поколение первых комсомольцев ворвалось в историю, наполнив трагические годы гражданской войны отчаянным и веселым молодым напором. Крещенные революционной эпохой, они вынесли из этой купели особую закалку, особый романтический склад души и искреннюю готовность к самопожертвованию. Первые комсомольцы были людьми удивительной породы: они торопились жить, шестнадцатилетними становились во главе полков, уездов, чуть ли не губерний, они рвались вперед, готовые завтра же встать к штурвалу мировой революции... Перечитайте Николая Островского, Аркадия Гайдара, Виктора Кина... Их герои были освещены особым светом вдохновения, оттого и считали себя счастливейшим поколением: бывает, говорили они, рождаются люди чуть раньше или чуть позже, чем хотелось бы, а вот нам повезло прийти в этот мир точнехонько в самое время... И были их судьбы яркими, неординарными, нередко трагическими, как и те давние годы. О них рассказывает писатель и публицист Дмитрий Дьяков.

*Девушки ночами пишут письма,
Почтальоны ходят по земле,
Чтобы шла по далям живописным
Молодость в единственном числе.
.....
Теплая полтавская погода
Стынет на запекшихся губах.
Звезды девятнадцатого года
Потухают в молодых глазах.*

М. Светлов

В свое время мне довелось познакомиться с одной из первых воронежских комсомолок. Дело было в перестроечные 1980-е годы, когда я, журналист местной «молодежки», начал собирать материалы о репрессированных при Сталине земляках. Та моя знакомая была одной из них.

Звали ее Мария Николаевна Степанченко-Полозова. У нее была трудная жизнь: дважды ее до полусмерти избивали кулаки, в ее судьбе были воркутинские лагеря; она пережила мужа, сына, друзей молодости. К моменту нашего знакомства ей было уже почти девяносто, она плохо видела, неважно слышала, но при этом сохраняла ясную память.

Жила она на улице Карла Маркса в небольшой квартирке огромного многоэтажного дома, куда я приходил, чтобы услышать очередные рассказы хозяйки о парнях и девушках, решивших в 1917 году круто изменить свою жизнь, а заодно и жизнь страны.

«Я не понимала, откуда это взялось и почему. Но я понимала, что имя этому — свобода. Я это без лозунгов понимала. Ходила по городу ошалелая и надышаться не могла воздухом семнадцатого года», — говорила моя собеседница.

От нее я и услышал историю жизни и смерти первого воронежского комсомольского вожака.

...В 1915 году приказом государя императора из прифронтовой Латвии вглубь страны, в губернский Воронеж, был спешно эвакуирован машиностроительный завод «Рихард-Поле». С точки зрения военной тактики это было резонно: спешно переоборудованный в тылу завод вскоре начал давать продукцию фронту. Однако в политическом плане правительство допустило серьезную оплошность. С западной границы в центр России перебрались сразу более 600 рабочих-латышей, которые к этому времени почти поголовно шли за большевиками. Для тихой и размеренной, несмотря на войну, жизни Воронежа, который никогда не отличался особой революционностью, это оказалось роковым событием: появившиеся в городе пролетарии очень быстро стали инициаторами массового рабочего движения. И идея создания молодежной рабочей организации вышла отсюда же, из цехов этого завода.

Верховодили прибывшей молодежью два шестнадцатилетних паренька. На первый взгляд, они были полной противоположностью друг другу. Один из них — Петр Петкевич — происходил из прибалтийской зажиточной семьи, с которой он недавно порвал по «классовым убеждениям». Небольшого роста, всегда модно одетый (его яркие галстуки были поводом для постоянных дружеских насмешек). Рабочая молодежь, хотя и называла его «барином», уважительно относилась к начитанности Петкевича, его образованности и уму.

Другой — Альфред Маккар — плоть от плоти был свой, пролетарский. Худощавый, голубоглазый блондин, он вечно ходил в ношеной-переношеной шинели.

Выходя из бедной латышской семьи (отец трудился в Риге маляром, мать всю жизнь проработала прачкой), Маккар смог закончить только четыре класса школы — дальше надо было зарабатывать на жизнь. Но такая сила убежденности была в этом пареньке, такое знание нужд рабочего и готовность идти на жертву ради его счастья, что перед Маккаром, удивительно быстро освоившим воронежский говор, даже опытные ораторы пасовали. Заводские же сверстники вообще считали его едва ли не самым умным парнем в Воронеже.

Альфред, или, как звала его рабочая молодежь, Фрид, быстро подружился со своими сверстниками — местными заводскими ребятами Иваном Соколовым и Колькой Копыловым. Иван, в то время уже член партии большевиков, свел нового приятеля со своими старшими товарищами. Вскоре Маккар стал выполнять партийные поручения. Особенно охотно ему доверяли выступления перед рабочей молодежью. В эту же работу был включен и Петкевич. Приближалась буря революции, и большевики рассматривали юных пролетариев как авангард в предстоящих битвах. Впрочем, и более сплоченная на этот период в Воронеже партия социалистов-революционеров тоже понимала: победа в будущем во многом будет зависеть от того, чью сторону примет юное поколение.

К весне 1917 года Альфред Маккар окончательно избрал свой путь. В мае он вступил в ряды РСДРП(б).

* * *

В ту предреволюционную весну идея объединения пролетарской молодежи в организацию, борющуюся за освобождение рабочего класса всего мира, носилась в воздухе. Пьянящим предчувствием всеобщего счастья воздухе семнадцатого года. Эту же идею Фрид все чаще и чаще высказывал своим товарищам. Дошел до Воронежа и слух о том, что в Питере и Москве подобные организации уже созданы и действуют.

А однажды взволнованный Соколов показал Маккару свежий номер большевистской «Правды», только что купленный им у Дома народных организаций (после Февральской революции там была открытая распродажа изданий всех направлений). Во всю полосу газета публиковала воззвание и Устав московского Союза молодежи. Этой новостью тут же поделились с Копыловым и Петкевичем, и, едва дождавшись окончания рабочего дня, друзья собрали заводскую молодежь в механическом цехе. Воззвание обсуждалось бурно. Когда уже смеркалось, пришли к решению: быть такому Союзу и у нас! Желающих записаться в него набралось человек тридцать. Кто-то тут же выдал четверостишия:

Эй, начинай, товарищ!
Мысли чекань смелей,
Пахнет свинцом и гарью
На заводе «Рихард-Поле».

Тридцать нас сегодня,
Но завтра будет сто.
Флаг молодежи поднят.
Тверже под флагом стой...

Новость о создании молодежной организации на «Рихард-Поле» быстро облетела город. На следующий день к Альфреду пришел Санька Трифонов с завода «Столля».

— Фрид, — сказал Санька, — давай учи, как организовать Союз. Хочу, чтобы и у нас был такой...

— А сумеешь? Ведь на вашем «Столле» сплошь и рядом меньшевики...

— Были да слыбли, — буркнул Санька. — После того как царя скинули, наш стал завод, большевистский...

Вскоре молодежные организации возникли не только на «Рихард-Поле» и «Столле», но и на заводах Гаусмана, Иванова, трубочном, в Отроженских железнодорожных мастерских.

Во время рабочей смены Альфред подошел к Соколову:

— Иван, разговор есть...

После работы встретились. Маккар стал говорить о том, что пора объединить все разрозненные молодежные союзы в один, общегородской. И вообще, чего мы сидим по норам? Надо созвать большое собрание всей воронежской рабочей молодежи. С этим предложением отправили делегацию в губком партии большевиков.

В делегацию включили самых боевитых — Маккара, Соколова, Петкевича, Копылова и Федю Шмерлинга, парня из мехмастерских.

В Доме народных организаций (бывшем губернаторском доме), где в одной из комнат располагался губернский комитет РСДРП(б), ребята разыскали Колю Карасевича, одного из заместителей председателя губкома Н.Н. Кардашева. Карасевич был их ровесником, но уже давно примкнул к большевикам. («Мы все его звали Колькой, — рассказывала М.Н. Степанченко-Полозова. — По старой привычке. Он мне — “Маруська”, я ему — “Колька”»). Идея общегородского союза была принята, собрание назначено на 20 июня, а раззадоренный Карасевич вызвался выступить на нем с докладом о программе и задачах союза.

В назначенный день в одной из комнат нижнего этажа Дома народных организаций яблоку негде было упасть. На самодельной сцене поставили стол. Собрание проводил Маккар. Он кратко рассказал о цели предстоящего собрания и сказал, что созданный союз будет бороться за права молодежи на заводах. Кто хочет участвовать в этом — подавайте заявления. Потом выступил Карасевич, а после его доклада Сережка Пономарев прошел по залу и записал желающих. Был избран и оргкомитет, которому поручили разработать устав союза и вести агитацию за вступление в него рабочей молодежи.

Через неделю, 27 июня 1917 года, оргкомитет созвал второе общегородское собрание, на котором доложил о проделанной работе.

Там же Фрид зачитал проект устава:

«...Союз рабочей молодежи ставит целью подготовить из своих членов рать сознательных, честных, знающих борцов, долженствующих сменить настоящих борцов-пролетариев в борьбе за освобождение пролетариата от ига ненавистного всемирного капитала, а также организовать молодых пролетариев, приучить их к организации.

Союз также ставит своей целью бороться за шестичасовой рабочий день для подростков в возрасте до 18 лет, за отмену ночных и сдельных работ и за недопущение на заводы молодежи в возрасте до 16 лет...»

На сцену взбежал высокий длинноволосый человек. Это был популярный в городе литератор Арсений Михайлов, член губернского комитета партии эсеров, председатель исполнительного комитета, редактор «Голоса труда». Поблескивая стеклышками пенсне, он пристальным взглядом обвел зал и негромко произнес:

— Зачем вам нужно вязываться в политику? Мы не можем жертвовать вашими жизнями сегодня. Еще не время. Главная задача момента — культурно-просветительная работа среди юношей и девушек...

Отвечал ему Николай Карасевич. В последнее время они схлестывались часто: оба отвечали в губкомах за работу с молодежью. Аргументы Карасевича строились на том, что право на гармоническое совершенство может получить только свободный человек, а без борьбы, без политической работы нельзя завоевать сво-

Зал стал на сторону Карасевича. Большинство голосов был утвержден проект устава, зачитанный Маккаром. Устав признавал возникновение в Воронеже новой организации — Союза рабочей молодежи. В городской комитет вошло одиннадцать человек — Соколов, Трифонов, Петкевич, Г. Попов, Пономарев, Копылов, Шмерлинг и другие. Своим вожаком — председателем Союза — молодежь избрала Альфреда Маккара.

Так 27 июня 1917 года стало днем образования в Воронеже новой молодежной организации.

...Союзу выделили маленькое помещение на нижнем этаже Дома народных организаций. Раньше здесь была ванная комната, а когда в губернаторский дом вселились разные комитеты, сюда снесли всевозможный мусор. Единственное окошко, выходящее в сад, было покрыто толстым слоем пыли, у самого входа стоял унитаз, стыдливо прикрытый старой газетой.

Маккар, Петкевич и Пономарев, осмотревшись, решили устроить генеральную уборку. Было ясно, что без девчат не управиться.

У Альфреда в ту пору уже была девушка — первая и единственная любовь в его жизни, Катя Бирюкова, одна из организаторов союза, «комиссар в юбке», как ее иногда называли. Катя позвала подругу Марусю Степанченко. Впятером и решили в выходной день привести помещение в надлежащий вид. («Катя огляделась и сказала: «Тут так грязно! Маруся, давай уберем». И мы засучили рукава и стали мыть окна», — вспоминала спустя годы М.Н. Степанченко-Полозова).

Побелили стены, подмели и вымыли полы. В центре комнаты поставили стол, Петкевич взял лист бумаги и красным карандашом большими буквами написал: «Союз рабочей молодежи». Лист прикрепили к двери...

В августе 1917 года воронежский Союз установил связь с бюро СРМ Петрограда и Москвы. «Жизнь идет своим порядком, — писала городская большевистская газета «Путь жизни». — Молодежь устраивает вечера, читает рефераты, организовала занятия по предметам первоначального обучения».

* * *

Маккар создавал молодежную организацию не только в Воронеже. Он довольно часто бывал и в селах губернии. Результатом его поездок стало появление молодежных кружков в Бобровском, Калачеевском, Алексеевском и Павловском уездах.

Взросший авторитет Союза в среде юных воронежцев, увлечение СРМ политикой беспокоило представителей местных буржуазных партий. В пик явно тяготевшему к левым революционным партиям СРМ осенью 1917 года в Воронеже возникает ученическая организация при партии «Народная свобода», чуть позже на националистической основе будет создан Союз еврейской молодежи.

Одним из главных упреков, предъявляемых в то время членам СРМ, стало обвинение их в недостатке культурного образования. Справедливость подобных нареканий ощущал и Маккар, но с чего начать, как привлечь молодежь? И вот однажды Фрид предложил ребятам: «Давайте устроим какой-нибудь свой вечер!» Эту идею поддержали восторженно. Вот как об этом вспоминал впоследствии один из участников первого вечера пролетарской молодежи Георгий Плетнев:

«Стали искать пьесу, более или менее подходящую для постановки нашими силами. Выбор остановили на мольеровской комедии «Сганарель, или Мнимый рогоносец». Она зачаровала нас своей живостью, непосредственным юмором. Приступили к распределению ролей и к репетициям. Роль Сганареля досталась мне. Горжибюса играл А. Маккар, главной героиней у нас была т. Озел — одна из первых девушек союза, обладавшая, к сожалению, пресквернейшим латышским ак-

Альфред Маккар. 1917 год

центом. Кроме того, участвовали Сокольников, Кожевников, Крючков и многие другие. Репетировали в Доме народного университета. Роли разучивали долго и тщательно. Наконец «Сганарель» был поставлен... Публики (все молодежь!) собралось полный зал.

Все сидят и думают: «А ну, посмотрим, как наши ребятки будут подниматься на сцену!»

За кулисами среди юных лицедеев — необычайное волнение. Все перетрусили, разнервничались. Сганарель от волнения забыл потуже привязать подушку к животу, и она затем съехала у него набок. Некоторые так застеснялись, что не хотели даже выходить на сцену при поднятии занавеса.

Все же спектакль начался. Но как начался! Несчастный Мольер! Он, наверно, ворочался в гробу и хохотал как сумасшедший! Действие, происходящее на углу

двух улиц, мы умудрились перенести в комнату, а французские костюмы XVII века заменили сюртуками, юбками и френчами! Однако спектакль шел на славу: была тронута и хохотала не только публика. В середине действия, когда Сганарель заключил в свои объятия обладательницу латышского акцента, из суфлерской будки вдруг перестали раздаваться членораздельные звуки. Глянули мы туда и — о, ужас! — видим: наш суфлер (М. Кожевников) отбросил от себя книжку, взялся за бока и сидит, злодей, хохочет! Ну, уж тут не выдержали и юные актеры: тоже похохотали от души.

А в общем... В общем, спектакль пользовался громадным успехом. Публика (в лице наших же товарищей) пожимала нам руки и пророчила большое будущее! И она не ошиблась!»

Успех первого вечера был настолько велик, что через несколько дней к Маккару в помещение Союза пришел известный в городе молодой театрал Михаил Захарчук и предложил создать драматическую секцию при СРМ. И хотя Захарчук был идейным анархистом, Альфред его предложение принял — культуру в рабочей молодежи воспитывать надо было непременно...

— На втором этаже устроили сцену. Я была на этой сцене «примой», — рассказывала М.Н. Степанченко-Полозова. — У меня было одно-единственное платье: черное с белым воротником. Я выходила в нем на сцену и говорила: «В жизни много подлости и предательства, но искренни цветы и музыка». И шла к стоящему у края сцены пианино. А после спектакля ребята подходили и спрашивали: «Маруся! За душу взяла! Сама, что ли, играла?» Я улыбалась: какое там сама — сидящая за занавесом образованная женщина.

А политическое воспитание в те же дни проводил приближающийся Октябрь. О том, что происходило в столице, ходили самые противоречивые слухи. Альфред частенько наведывался в губком большевиков «прояснить обстановку». Однако там точной информацией не обладал никто: что конкретно случилось в Петрограде 25 октября — никому не было ясно, а постоянные телеграфные запросы в столицу оставались безответными. В эти часы гораздо энергичнее действовал губком эсеров. Получив по своим каналам достаточную информацию, там предприняли

попытку от имени исполнительного комитета обратиться к массам с осуждением вооруженного восстания в столице.

Чтобы прояснить ситуацию Фрид отправился на общегородской митинг рабочих в кинотеатр (тогда их называли синематографами) «Ампир». Там он призвал поддержать выступление питерских пролетариев. Воронежские рабочие в большинстве своем согласились с этим.

А в Воронеже поздним вечером 29 октября два большевика — Алексей Моисеев и Иван Врачев — тайне ото всех (даже от своих товарищей по партии) отправились на Чижовку, где располагались казармы запасного пулеметного полка, прибывшего в Воронеж в конце лета из Сибири. Ночь ушла на агитацию, а уже в восемь утра следующего дня Моисеев и Врачев вывели солдат из казарм и взяли в городе власть. Была короткая перестрелка, в которой погибло шесть человек: четыре офицера, пытавшихся сохранить порядок, и два солдата из восставших.

Так в Воронеже был осуществлен Октябрьский переворот...

* * *

Вскоре после этого Союз рабочей молодежи перебрался в помещение из трех комнат в здании бывшей ремесленной управы (ныне дом № 87 по улице Сакко и Ванцетти). Маккар в те дни часто выступал на заводских митингах, готовил доклады к молодежным собраниям и диспутам...

6 июня 1918 года организация рабочей молодежи начала издавать свою газету «Юный пролетарий». В ту пору удалось выпустить лишь два номера, но сам выпуск газеты стал журналистским крещением для Альфреда. Впоследствии он тесно сотрудничал с изданиями большевистского направления, а одно время даже являлся штатным корреспондентом «Воронежской бедноты».

...Ко дню начала Первого Всероссийского съезда ряды воронежского Союза рабочей молодежи насчитывали почти 800 человек.

* * *

Маккар на съезд не поехал. Осенью 1918 года Воронежская губерния оказалась передним краем обороны Советской республики. С юга и запада к городу приближались белогвардейские отряды генералов Каледина и Краснова, войска немецких оккупантов. В такой обстановке губком РСДРП(б) счел нужным оставить молодежного вожака в Воронеже. На собрании Союза делегатами на съезд были избраны Федор Шмерлинг и Сергей Пономарев. С Пономаревым в этот период Фрид все чаще и чаще не находил общего языка. Дело в том, что Сергей — один из организаторов СРМ в Воронеже — вступил в партию левых эсеров.

Чтобы понять трагическую суть противоречий, приведших к расколу союза двух самых революционных партий России и отчасти способствовавших политике «большого террора», необходимо сделать отступление.

Партия левых эсеров выделилась в самостоятельную политическую организацию из самой крупной российской партии — эсеров — в первые дни после Октябрьского переворота. Левые эсеры поддержали все резолюции Второго съезда Советов, в то время, как правые бойкотировали работу съезда. После этого левые эсеры вошли в новый ЦИК, активно участвовали в работе Советов на местах, в том числе и в Воронежской губернии, где сразу три их представителя были в местном военно-революционном комитете. 20 ноября левые эсеры провели съезд своей партии, а в январе 1918 года на Третьем Всероссийском съезде Советов в состав вновь избранного ВЦИКа наряду со 160 большевиками вошли и 125 левых эсеров.

Новая партия выражала интересы большей части русского крестьянства, ее пози-

Мария Степанченко-Полозова

ция оказалась близка и представителем мелкой буржуазии. Первым камнем преткновения между большевиками и левыми эсерами стал Брестский мир. А более серьезные разногласия вызвал поворот большевиков в экономике к политике военного коммунизма, поэтому к маю-июню 1918 года их сотрудничество с левыми эсерами перешло в стадию конфронтации, а позднее — и во взаимную вражду.

Весной 1918 года левые эсеры вышли из состава Совнаркома. В этот же период начинается повсеместный отход масс, прежде всего крестьянства, от большевиков. (Достаточно сказать, что в партийном составе Пятого Всероссийского съезда Советов их численность уменьшилась на 40 человек, а левых эсеров — увеличилась на 115). Особенно сильно упало влияние большевиков в Воронежской и других черноземных губерниях, на юге России, в значительной части Повол-

жья и Сибири, то есть в самых хлебопроизводящих районах страны, куда в основном направлялись поезда Наркомпрода.

В такой обстановке Альфред Маккар до хрипоты доказывал всем временную необходимость политики военного коммунизма, Пономарев же, выходец из села, и потому лучше знавший положение крестьянства, говорил обратное, но пока еще их взгляды сходились в одной точке — в деле борьбы за счастье трудового народа. К тому же избрание делегатами на Первый съезд молодежной организации от Воронежа большевика и левого эсера, было отражением реального положения дел в воронежской молодежной организации.

И вдруг внезапно тяжело заболевает Федор Шмерлинг, и общегородское собрание СРМ решает послать вместо него на съезд Петра Петкевича, который к тому времени уже вышел из состава РСДРП(б) и вступил в малочисленную группу социал-демократов-интернационалистов.

Маккар пробует убедить ребят, что на съезд должен обязательно ехать хотя бы один большевик. Его не послушали. Что ты, Фрид? У Сережки с Петкевичем голова варит получше, чем у других. Может, именно они и придумают, как грамотнее объединиться всем молодежным организациям республики.

...Воронежские делегаты Пономарев и Петкевич составили на съезде главную оппозицию линии, проводимой делегатами Питера и Москвы. В частности, по вопросу о названии организации. Подавляющее большинство делегатов выступило за «Коммунистический Союз Молодежи». Воронежцы были против.

Сергей Пономарев произнес развернутую программную речь. Вот небольшой ее фрагмент.

«С самого начала работы мы наталкиваемся на ряд крупных недоразумений и препятствий. Отсутствие интеллигентных сил и недоброжелательное отношение взрослых рабочих сильно задерживает наше движение, и только 20 июня 1917 года наша организация впервые появляется, насчитывая двадцать членов и имея в кассе 17 рублей. В будущем же отсутствие денег грозит полной остановкой работы, так как тридцатикопеечные членские взносы не покрывают и части наших расходов... Без средств мы не можем выполнить поставленных перед собой задач, как то: открытие курсов по всевозможным отраслям труда, повсеместное введение шестичасового рабочего дня для подростков и другое...

Наши представители уже участвуют в совдепо, в фабричных комитетах и прочих организациях, ведя энергичную борьбу за наши интересы. Но главное затруднение заключается в политической отсталости рабочей молодежи, борьбу с которой и надо поставить на первый план...»

Высказывая справедливые требования, Пономарев, а вслед за ним и Петкевич сводили все проблемы к названию. Они яростно пытались доказать, что слово «коммунистический» при сложившейся в стране обстановке оттолкнет от союза часть юношей и девушек.

Съезд дал острую политическую оценку выступлениям воронежских делегатов и подавляющим большинством принял большевистскую платформу, изложенную в выступлениях руководителей Московской организации Л. Шацкина и Е. Цетлина и Петроградской О. Рывкина. Молодежная организация республики стала называться Российским Коммунистическим Союзом Молодежи.

Спор шел не только о названии, как может показаться на первый взгляд. Вопрос ставился шире: каково будет политическое лицо главной молодежной организации России? Съезд определился по этому поводу, воронежский Союз — еще нет.

5 ноября по возвращении делегатов со съезда состоялось городское собрание членов Союза. Маккар уже знал о том, что произошло на съезде, и, прежде чем выносить доклад делегатов на общее собрание, собрал членов горкома СРМ, чтобы провести внутреннее обсуждение, в результате которого сторонники решений съезда получили большинство в один голос. «В комитете борьба окончена. Но что скажет общее собрание, ведь Пономарев и Петкевич имеют солидный авторитет?» — поделился с близкими сомнениями после этого заседания Фрид.

Вечер. Зал клуба в помещении союза, длинный коридор и соседние комнаты переполнены. Молодежь, как никогда, говорлива и суетлива. На местах идут ожесточенные споры, каждый хочет убедить своего соседа. Зал утихает. Альфред Маккар поднимается на трибуну и открывает собрание. Звучит предложение избрать президиум. И сразу же взрыв страстей — за овладение местами в президиуме идет яростная борьба. В конце концов, большинством голосов избираются Маккар, Шмерлинг и Иван Чернышев, борец, руководитель спортивной секции союза.

Первым выступает Петкевич.

— С принятием названия «коммунистический» молодежь в организацию не пойдет, и вместо единства, о котором говорил съезд, может произойти раскол на несколько группировок...

Обычное спокойствие изменило Петкевичу. Говорит он неуверенно, ничего конкретного не предлагает, ищет компромисса для дальнейшей работы организации.

Его выступление оформляется в строгую политическую платформу Пономаревым. Пономарев — прекрасный оратор, среди молодежи авторитета ему не занимать. Позже о его тогдашнем выступлении Маккар будет вспоминать так: «...начинает свой доклад с тонким подходом, бьет на нервы, на чувства молодежи. Умеет в нужную минуту вызвать слезы, а потребуются — так весь зал рассмешит».

Основные доказательства Пономарева сводятся к тому, что Союз рабочей молодежи должен быть беспартийным, так как «главное затруднение в движении Союза заключается в политической отсталости рабочей молодежи». По его мнению, только в беспартийном союзе молодежи сумеет получить общее образование, а после заняться и политикой... Пономарев намекает на то, что юношам и девушкам больше нужны танцы, веселье, театральное зрелище, они еще чересчур «зеленые» для политики.

— Союз, став «коммунистическим», потеряет свою самостоятельность и будет под влиянием компартии, — этим своим заключением Пономарев все сказал.

Против П. Петкевича и С. Пономарева выступают большевики Ф. Шмерлинг,

Первый воронежский губком РКСМ. Альфред Маккар сидит во втором ряду сверху, в центре. 1919

А. Трухин, С. Павловский. Они пытаются доказать необоснованность утверждений докладчиков, убедить, что при правильном взаимодействии и руководстве со стороны партии молодежь может получить больше как общего, так и политического образования.

Зал ловил каждое слово ораторов. К трибуне поднимается руководитель драмкружка Захарчук и обрушивается на название «коммунистический», грозя в случае его принятия выйти из организации. К нему присоединяется избранный в президиум руководитель спорткружка Чернышев. Они как организаторы основных секций Союза рабочей молодежи имеют большой авторитет, и их искренние слова вызывают смятение среди присутствующих.

И вот, когда наступает критическая ситуация, на трибуну выходит Маккар:

— Товарищи! В зале присутствуют те, кто еще совсем недавно гнул горб по десять часов в сутки на заводах, не имея ни права голоса, ни права защищать свои интересы. Октябрьский переворот отодвинул это навсегда в прошлое, и свершилось это, в том числе, и благодаря вашему участию в реввосстании здесь, в Воронеже. Именно тогда вы уже отражали коммунистическое движение и продолжали отражать его весь год существования нашего союза. Вы заслужили права быть членами Коммунистического союза молодежи...

Говорил Фрид спокойно и не торопясь.

— В борьбе против меньшевистско-эсеровской программы Пономарева и Петкевича, за программу классового борьбы, выдвинутую Первым Всероссийским съездом, молодежь сумеет отвоевать свои права и интересы в тесном единении и под руководством компартии...

Восхищенная выступлением любимого, на трибуну бросается Катя Бирюкова. Она обращается к подругам с просьбой голосовать «за комсомол».

Актив высказался. Вносится предложение прекратить прения и приступить к голосованию. Тишина. Каждый ждет, что будет.

— Кто за то, чтобы поддержать решения съезда?

Поднимается рука, еще одна, и еще, и еще, и еще...

Большинство на стороне Маккара и других большевиков. Чернышев и Захарчук бросают членские билеты и заявляют о своем нежелании быть в рядах организации, названной коммунистической. Некоторые из присутствующих следуют их примеру и демонстративно покидают собрание.

Четыре дня спустя, 9 ноября, на общем собрании членов Союза рабочей молодежи было объявлено о создании Воронежского губернского комитета Российской Коммунистической Союз Молодежи. Первым руководителем воронежского комсомола там же был избран Альфред Маккар.

Примечательно, что главные оппоненты председателя губкома Пономарев и Петкевич остались в организации. («Мы тогда бурно пробрали, пропесочили наших делегатов, но и после этого они оставались в наших рядах, нашими лидерами. Это было еще то счастливое время, когда за неверные взгляды не надо было платить свободой и жизнью», — поясняла произошедшее М.Н. Степанченко-Полозова).

* * *

К весне 1919 года повсеместно были распущены все молодежные организации, существовавшие параллельно с РКСМ. В Воронеже была ликвидирована ученическая организация, и часть ее вошла в ряды губернской организации комсомола (Н. Никитин, М. Кожевников, братья Черкасовы и другие). Союз обогатился грамотными ребятами, диспуты, дискуссии, собрания стали проходить на более высоком уровне, популярность организации возросла.

Вскоре был распущен и Союз еврейской молодежи, часть которого теперь вошла в комсомол на правах национальной секции (И. Кесслер, Г. Плетнев, И. Коган и другие).

В течение непродолжительного времени было создано 15 новых уездных и волостных комсомольских организаций и ячеек, объединивших около 500 представителей рабочей и крестьянской молодежи. В мае-июне повсеместно прошли первые комсомольские собрания и конференции. Начинался последний этап подготовки к губернскому съезду комсомола. 14 лучших активистов губкома были направлены в уезды для укрепления местных ячеек. Альфред Маккар побывал в Боброве и Павловске. Но заниматься там приходилось не только оргвопросами. В Павловском уезде вспыхнуло восстание, направленное против политики военного коммунизма, к восставшим присоединилась и группа священников. Маккар вошел в отряд по ликвидации этого восстания.

В это же время произошли изменения и в личной жизни Альфреда. Он и Катя Бирюкова стали мужем и женой. И хотя родители невесты были против этого брака (мать и сестра Кати считали, что выходить замуж за человека, который не имеет ничего, кроме убеждений, — глупо), молодожены были счастливы.

16 июня 1919 года открылся Первый губернский съезд комсомола. На него прибыл представитель ЦК РКСМ, один из учеников Л. Троцкого Леопольд Авербах, впоследствии генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей, автор печально известной теории «вульгарного социологизма». Вместе с Маккаром Авербах занимался подготовкой съезда. Главное место в их планах отводилось проблеме, с которой Альфред столкнулся в уездах, — крайне неудовлетворительная работа комсомола в деревне.

После выступления Альфреда съезд признал, что «работа на местах тормозится как из-за отсутствия работников, так и из-за слабой связи с партийной организацией». Для укрепления сельских организаций и привлечения крестьянской молодежи к коммунистическому движению съезд решил мобилизовать все агита-

ционные и культурные силы губернской организации. На съезде был избран губком РКСМ. Горком комсомола решено было выделить в самостоятельную организацию, его руководителем стал Степан Павловский.

* * *

Осень девятнадцатого года. Воронежская губерния становится ареной важнейших событий гражданской войны. В тыл Красной Армии еще в начале августа был брошен корпус генерала Мамонтова. Приказ Деникина — захватить Воронеж и тем самым открыть прямой и кратчайший путь на Москву. Над городом нависла серьезная опасность.

В этой обстановке Маккар назначается председателем мобилизационной тройки воронежского комсомола. 9 сентября газета «Воронежская беднота» публикует призыв Альфреда к молодежи города. В нем говорилось:

«Молодежь! Ты, которая шла в первых рядах революции, ты должна вынести еще одно испытание, ты должна помочь разбить Мамонтова с его ордою...

Красная пролетарская молодежь, на борьбу! У кого нетрусливое сердце, сильный дух и крепкие руки — беритесь за винтовки!

Девушки-пролетарки, помогите и вы по мере сил! Вдохните энергию в красных бойцов, ухаживайте за ранеными!

Кто честен и смел, пусть оружие берет! Шептунам и трусам нет пощады! К спокойствию! К борьбе! К победе!»

Председатель губкома А. Маккар участвует в уличных боях против мамонтовцев. Отпор врагу был дан. Однако уже в конце сентября на Воронеж брошены корпуса генерала Шкуро. По призыву Совета обороны в городе проходят массовые мобилизации. Губкомол объявляет о чрезвычайном положении в организации. За два дня до входа шкуровцев в Воронеж состоялось секретное заседание губкома РКСМ. На нем решаются три вопроса: делегатами на II Всероссийский съезд комсомола избираются Г. Плетнев и А. Тихов; принимается постановление о вливании членов союза в батальоны Красной Армии и, наконец, утверждается сверхсекретное решение: в случае занятия белогвардейцами города оставить в Воронежской группе комсомольского подполья во главе с Альфредом Маккаром.

Последнее согласовали с председателем губчека Рындиным. Подпольная группа была снабжена поддельными паспортами — Маккар, например, получил документы на имя «гражданина Эккермана». Кроме Альфреда в группу комсомольского подполья вошли М. Кожевников, М. Степанченко, Н. Черкасов, К. Качалова, Е. Бирюкова, С. Павловский и некоторые другие. Через связных они должны были сообщать в штаб Красной армии сведения о противнике.

Комсомольским подпольем был разработан «план Эккермана» и согласно ему образованы «двойки» (парень и девушка), которые под видом влюбленных пар должны были прогуливаться в местах скопления белогвардейцев и вести разведку. Между собой в целях безопасности «двойки» не взаимодействовали. Объединяющим центром являлась конспиративная квартира Маккара, которую знали связные каждой «двойки».

В «план Эккермана» входило и отравление Шкуро на городском балу. Осуществить его не удалось, но по дерзости и решительности это было одно из самых смелых мероприятий комсомольского подполья в годы гражданской войны. После провала операции действовать открыто стало опасно. Шкуровцы искали подпольщиков, начались аресты. Через связных Маккар отдает приказ: «Перейти всем на женскую одежду!» Девчата наряжали ребят барышнями, и они в таком виде беспрепятственно гуляли по улицам: искали-то ведь мужчин!..

24 октября 1919 г. решительным ударом частей конного корпуса С. Буденного и 12-й стрелковой дивизии 8-й армии Воронеж снова был взят большевиками. Встала задача в кратчайшие сроки восстановить потери в комсомоле и наладить его работу.

* * *

В декабре Фрид публикует в «Воронежской коммуне» статью «Красная молодежь. Цели и задачи Российского Коммунистического Союза Молодежи». За год до III съезда, выдвинувшего лозунг «Учиться, учиться и учиться!», вожак комсомоли Воронежа пишет: «Царский строй просвещал только барчат, дети же рабочего класса оставались неучеными. Для тружеников двери школ были плотно закрыты. Коммунистический Союз Молодежи, привлекая молодежь к самостоятельности, способствует наробразам в создании школ рабочих подростков... Союз для более обширного просвещения юношества создает свои курсы и т. д. Российский Коммунистический Союз Молодежи разорвет цепи рабства юных пролетариев всего мира!»

...Еще несколько месяцев возглавлял Альфред Маккар губернскую комсомольскую организацию, до тех пор, пока губком партии не направил его на работу в Кременчугское губбюро РКП(б). Это было последнее поручение коммуниста Маккара. В июле 1921-го он вместе с женой уедет на родину, в Латвию. Как будет сказано в официальных бумагах, «с целью отыскания без вести пропавших родителей». Отъезд послужит причиной для прекращения его пребывания в партии большевиков.

Риску предположить, что официальная версия отъезда Маккара не вполне соответствует истине. Кроме семейно-бытовых проблем здесь, думается, присутствовал и политический мотив.

Как известно, огромным авторитетом среди комсомольцев первых послеоктябрьских лет пользовался Лев Троцкий. Именно он выступал с речью от ЦК партии на II съезде РКСМ. («Голос Троцкого звучит, как набатный колокол», — вспоминал о его выступлении воронежский делегат Г. Плетнев).

Современный историк В. Долгов высказал интересную мысль: «В предельно упрощенном виде особая система Троцкого... сводилась к тому, чтобы перескочить закономерные ступени общественно-политического и экономического развития общества, повести в бой пусть неподготовленные, но революционные массы всех стран. Мировая революция — что тогда могло быть заманчивей для бывших «красных дьяволят», буденновцев, ровесников гражданской войны?»

В 1921 году Троцкий оставался все еще вторым человеком в партии и наиболее вероятным преемником Ленина. Он много ездит по стране (в том числе и по черноземным губерниям), часто выступает в молодежных аудиториях.

И вот, исходя из всего этого, вполне можно представить, что 22-летний Альфред Маккар не усидел в бюрократическом кресле губернского руководителя и уехал в родную Латвию... готовить мировую революцию.

В Риге Фрид с женой поселились на улице Артиллерияс, 57, в доме своих родителей. Таким образом, версия о розыске пропавших родственников отпадает: они жили-поживали по прежнему адресу. Затем Альфред устраивается в порт грузчиком и сразу же включается в пролетарское движение. Вскоре Маккар — один из лидеров профсоюза работников кооперативного союза — начинает организовывать политические забастовки, регулярно выступает в центральном органе рижских профсоюзов журнале «Vienybē» («Единство») со статьями о защите прав рабочих.

А вскоре от легальных методов борьбы Альфред переходит к нелегальным. Он входит в центр рижского коммунистического подполья, участвует в написании и распространении листовок, организует несколько забастовок.

В Риге Маккар услышал о старом знакомом — Петкевиче. Перебравшийся в Латвию Петр Петкевич стал корреспондентом крайне правой буржуазной газеты. Его статьи, направленные против социалистического строя и Советской России, международного юношеского движения, пользовались популярностью в официальных кругах Латвии. Словом, Петкевич процветал.

Маккар специально разыскал его, чтобы посмотреть в глаза человеку, которого когда-то считал другом. Петкевич сделал вид, что они незнакомы, и прошел мимо. Больше они не встречались никогда...

В тот же день Альфред сказал жене: никогда и нигде, ни в одном из рассказов о прошлом не вспоминать о Петкевиче, о его роли в создании воронежского СРМ. Это решение было передано всем первым воронежским комсомольцам: казнь забвением — приговор, вынесенный предателю...

Вскоре после встречи с Петкевичем на квартире Маккара прошел обыск. Никакого компромата латвийская полиция в тот раз не обнаружила, но через четыре дня Альфред был вызван к следователю на допрос. Пока в качестве свидетеля. Предъявленные обвинения он отверг. Но уже через полмесяца, в сентябре 1925 года, в политуправлении МВД Латвии появился донос о том, что Маккар являлся членом нелегальной коммунистической организации. При повторном обыске нашлись и доказательства.

В октябре 1925 года прокурор Рижского окружного суда обвинил Маккарса Альфредаса Мартыновича (таково латвийское правописание его фамилии) по статье 102 судебного закона Латвийской Республики в принадлежности к нелегальной коммунистической организации и приговорил его к тюремности заключения.

Воронежский губком комсомола сразу же пришел на помощь своему бывшему жожаку. Молодежь организовала сбор и пересылку денег семье Маккара — жене Екатерине и маленькой дочери Лиле. А через год латвийские коммунисты-подпольщики через полпредство СССР в Латвии добились освобождения Маккара из заключения и депортации его вместе с семьей в Советский Союз.

В сентябре 1926 году Альфред Маккар возвратился в Воронеж. Губком партии направил его на работу в губпотребсоюз инструктором. Семья поселилась в небольшой комнатке. Материальное положение ее было довольно скромное. Работы у Альфреда было много — по должности он контролировал более десятка районов губернии. Часто ездил в командировки, много читал специальной литературы, чертил проекты переоборудования молочных заводов.

Тогда же у Маккара родился сын Анатолий. А однажды из командировки он привез маленькую девочку-сироту. Звали ее Полина Луценко, она стала полноправным членом семьи Маккаров.

В 1930 году облпотребсоюз направил Альфреда Мартыновича в Воронежский кооперативный институт, который он окончил с отличием. Получив диплом инженера-технолога, Маккар в середине 1930-х годов стал работать в системе УНКВД Воронежской области. Нет, он не был следователем подобно одной из первых комсомолок Клавдии Качановой, о зверствах которой во время допросов в Саратовской следственной тюрьме ходили жуткие легенды в сталинских лагерях. («Поначалу мы не знали, что она работает в ЧК, — говорила мне М.Н. Степанченко-Полозова. — Из Воронежа она эвакуировалась в Саратов еще перед приходом Шкуро и стала там работать в органах. Позже я узнала, что она издевалась над арестованными во время допросов и погубила много людей. Кстати, когда об этом узнала жена Маккара Катя Бирюкова, то сразу сказала мне: „Ты о Петкевиче и Качановой — слова не смей говорить: это чужие для нас люди“»).

Централизация власти требовала особых привилегий для тех, кто поддерживал главный трон красной империи. Введение системы спецпайков НКВД привела к созданию в органах госбезопасности целой отрасли коопторга, и Альфред

Маккар вошел в нее в должности старшего инструктора-технолога молочных продуктов. Так продолжалось до 1937 года, когда его неожиданно уволили из органов, переводя сначала на работу в облкоопмолпром, а потом вообще понизили до должности обычного технолога маслобазы...

В 1980-х мне удалось разыскать в Риге дочь Альфреда Маккара и Екатерины Бирюковой — Лилию Альфредовну Винник. И вот что она рассказала мне тогда:

«12 декабря 1937 года мама и папа стояли у стены и тихо разговаривали между собой. Был вечер. Мама жаловалась на безденежье и вдруг сказала: «Фрид, ты знаешь, в городе идут аресты. Арестовали Васю Першина (друг моих родителей), что-то и я боюсь, ведь Василий не вор, не преступник». В ответ папа обнял маму и сказал: «Катрин, родная, не волнуйся. Ты понимаешь, сейчас очень напряженная обстановка в стране: много врагов. Нужно проверить людей. Честных, преданных — отпустят. Прошу, не волнуйся, ведь ты же знаешь меня. Мы с тобой вместе прошли жизненный путь, все силы отдали, чтобы укрепить завоевания революции. Вот мне представляется наша народная власть маленьким деревцем, которое еще не окрепло, но растет, тянется к свету, крепнет. Сколько же врагов мешает ему расти! Верь, что оно станет могучим и никто не сумеет лишить его жизни». Потом папа подошел ко мне и произнес: «Будь, дочурка, настоящей, активной пионеркой. Я буду всегда гордиться тобой».

Утром 13 декабря он ушел на работу. Обещал одолжить у кого-нибудь денег до зарплаты. Днем я вошла в комнату и обомлела: у стола стояла очень бледная мама. Рядом с ней — Василий Михайлович Мирошниченко, наш сосед, друг семьи. Он плакал. Пахло лекарством... Потом мама обняла меня и сказала: «Больше нет у тебя папы». Василий Михайлович рассказал, что часов в одиннадцать позвонил ему на работу отец: «Вася, за мной, кажется, пришли. Передай Катрин, чтобы не волновалась: меня проверят и отпустят. Может быть, это будет не так скоро, но не больше месяца. Очень прошу тебя — помоги семье. Передай Лиле, чтобы она непременно училась, училась отлично, помнила всегда: так учился ее отец»...

16 декабря, поздно вечером, в нашу комнату вошли двое мужчин в форме сотрудников НКВД и объявили, что будут производить обыск... Один из них сел за стол, другой открыл шкаф. Увидел старенький костюм папы, три-четыре маминых платья, мою и брата одежду и произнес: «Да-а-а... Совсем небогато». Промотрели папины статьи, чертежи, документы, грамоты и журналы. Все это забрали. Я задала вопрос: «Почему арестован мой отец?» В ответ мне показали один журнал и сказали: «Вот видишь, твой отец хранит статью врага народа». Это была статья Тухачевского...»

...По постановлению НКВД и прокурора СССР от 29 января 1938 года Альфреда Мартыновича Маккара обвинили в том, что, «прибыв в СССР из Латвии в 1926 году, он занимался шпионской деятельностью в пользу латвийской разведки». Исходя из этого, его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 9 февраля 1938 года.

22 декабря 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила постановление НКВД в отношении Альфреда Маккара — «за отсутствием состава преступления».

Первый воронежский комсомольский комиссар посмертно был полностью реабилитирован.

...Ну а Мария Николаевна Степанченко-Полозова просидела в лагерях до самой смерти Сталина. О своем освобождении рассказывала так: «Когда вернулась, мне было 52 года. Весна стояла. На Савеловском вокзале цвела сирень. Сын меня встречал. Увидел, поднял на руки и понес. Долго нес, не опускал...»